

При этом уголовная ответственность юридических лиц должна устанавливаться только в тех случаях, когда иные правовые регламенты (административно-правовые, гражданско-правовые), применяемые к юридическим лицам, исчерпали свой правовой

потенциал и не способны восстановить нарушенные общепризнанные уголовно-правовые принципы и возместить причиненный преступным деянием ущерб, вред охраняемым законом общественным отношениям.

Рогова Е.В.,

доктор юридический наук, профессор
Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цифровые технологии (интернет, социальные сети, мессенджеры и другие) значительно меняют общественные отношения. С одной стороны, они упрощают и ускоряют коммуникацию, позволяют получать информацию, совершать покупки в любое время и в любом месте, удаленно управлять механизмами, устройствами и техническими системами. С другой стороны, это несет и значительные риски для общества, связанные с криминальным поведением людей.

Цифровые технологии создают новые риски, такие как «киберхищения», «кибербуллинг», нарушение авторских прав, «сталкинг», распространение заведомо ложной информации, запрещенной информации, воздействие на общественное сознание и другие. В настоящее время констатируется серьезный рост угроз в информационно-телекоммуникационной среде.

По оценкам экспертов «цифровые преступления приобретают масштаб глобальной преступности. По прогнозам, к 2025 г. ущерб от цифровых преступлений в перерасчете на каждого гражданина Российской Федерации составит около двух тысяч рублей»¹, около 23% пользователей Интернета столкнутся с цифровым насилием².

В целом следует признать, что такое развитие ситуации было ожидаемо. Очевидно, что в настоящее время киберпреступность, которая включает в себя преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, вытесняет «преступность в реальном мире».

Примером тому могут служить преступления против собственности, которые в большей своей части уходят в виртуальный мир, совершаются с использованием цифровых технологий. Развитие банковской сферы, появление безналичных и электронных денежных средств и возможность расплачиваться ими за товары привели к тому, что преступники получили неправомерный доступ к информационным ресурсам, с помощью которых собственник управляет своими средствами. Фишинговые электронные письма, различные вредоносные файлы, неисправное программное обеспечение, методы социальной инженерии являются наиболее распространенными способами доступа к системам потенциальных жертв таких преступлений.

Преступность молодежи, включая насильственную, также перемещается в виртуальное пространство. Проведение специальной военной операции, как отмечают эксперты, также повлияло на появление новых способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так называемые интернет-мошенники достаточно быстро отреагировали на изменяющиеся обстоятельства, воспользовавшись складывающейся ситуацией.

Особую тревогу в настоящее время вызывает кибертерроризм, являющийся одним из наиболее опасных видов киберпреступности, представляющий собой использование цифровых технологий для совершения террористических актов и несущий достаточно серьезную угрозу национальной безопасности.

¹ Сидоренко Э.Л. Информационно-коммуникационные технологии для глобального мира // Международная жизнь. 2024. № 9. С. 124-132.

² Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 14. С. 68-83.

Безусловно, говоря о мерах противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, следует отметить, что среди них традиционно преобладают уголовно-правовые запреты. Действительно, нельзя недооценивать роль уголовно-правового предупреждения в реализации уголовной политики противодействия преступности в условиях цифровизации общественных отношений.

С момента принятия УК РФ, вступившего в законную силу с 1 января 1997 г., в него были внесены многочисленные изменения и дополнения, касающиеся дифференциации уголовной ответственности. Если говорить о дифференциации уголовной ответственности за преступления против собственности, то можно обратиться к анализу изменений уголовного законодательства, произошедших в 2018 г. Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. в ст. 159.3 УК РФ были внесены изменения¹. Этим же законом была введена уголовная ответственность за совершение кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ), а также за мошенничество в сфере компьютерной информации с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «в» ч. 3 ст. 159.6). Целью закона было усиление уголовно-правовой охраны общественных отношений путем установления и усиления уголовной ответственности за хищение электронных денежных средств.

Закреплением квалифицирующего признака «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» была усилена уголовная ответственность за совершение кражи и мошенничества в сфере компьютерной информации. Преступления с таким квалифицирующим признаком были отнесены к категории тяжких со всеми соответствующими уголовно-правовыми последствиями.

Анализ норм уголовного закона свидетельствует о том, что на сегодняшний день признак «использование средств массовой информации либо электронных или инфор-

мационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)» все чаще включается в качестве квалифицирующего в различные составы преступлений, что является достаточно обоснованным шагом с учетом высокого уровня информатизации общественных отношений. Передача информации таким способом обеспечивает еще большую скрытность и конспиративность преступлений, а также возможность максимально оперативного их совершения. Информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть Интернет, открывают для преступников новые возможности и пространства, значительно расширяя географию преступности, делая ее характер транснациональным, выходящим за пределы не только определенного региона Российской Федерации, но и за пределы ее территории в целом, затрудняют обнаружение лиц, совершающих преступления. Вместе с тем некоторые ученые считают, что «в настоящее время законодатель не в полной мере оценивает общественную опасность преступлений, средством совершения которых являются информационно-телекоммуникационные сети. А в случае отсутствия в законе указания на применение таких сетей, это обстоятельство не учитывается при квалификации, что нарушает принцип справедливости при назначении наказания»².

Обосновывая необходимость закрепления признака «использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)» в качестве квалифицирующего в ряде преступлений, следует согласиться со справедливым замечанием М.А. Ефремовой, которая полагает, что «использование указанных средств существенным образом упрощает выполнение объективной стороны состава преступления, а также причиняет или создает угрозу причинения вреда большего, чем если бы деяние совершалось без их использования»³.

В Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект закона об усилении уголовной ответственности в случае использования дипфейков. За клевету, кражу и мошенничество, совершенных с использо-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ // Собрание законодательства РФ 2018. № 18. Ст. 2581.

² Летелкин Н.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Нижний Новгород, 2018. С. 144.

³ Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 68-71.

ванием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица, предлагается повышенная уголовная ответственность. Таким образом, использование дипфейка следует закрепить в качестве квалифицирующего признака.

В целом предложение достаточно обоснованное, обусловлено тем, что в настоящее время дипфейки стали широко применяться в преступных целях. Применение современных цифровых технологий, нейросетей и возможностей искусственного интеллекта позволяют преступникам создавать голос или изображение лиц, от имени которых рассылаются сообщения, и которые практически невозможно отличить от оригинального голоса или изображения человека. Злоумышленники взламывают аккаунты людей в социальных сетях и с помощью искусственного интеллекта создают сообщения с их голосами, рассылая их родным и близким лица.

Однако, как совершенно справедливо замечают ученые, возможно лучше применить более широкое понятие квалифицирующего признака, например, «использование цифровых технологий», потому что вполне возможно с учетом развития указанных цифровых технологий дипфейки могут смениться другими более совершенными технологиями. Если ранее для создания дипфейка требовалось несколько дней, сейчас для этого необходимо, по словам специалистов, не более минуты, при этом распознать созданный нейросетью голос или изображение практически невозможно. Другими словами, цифровые технологии находятся в постоянном развитии и совершенствовании, в связи с чем это должно найти свое отражение в законодательстве. При этом необходимость закрепления признака в качестве квалифицирующего должна быть обоснована его влиянием на усиление общественной опасности деяния, упрощением выполнения объективной стороны и распространенностью таких деяний.

Фроленков Г.В.

Санкт-Петербургский университет МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ТОЛКОВАНИЮ ПРИЗНАКА ПУБЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Действующая редакция УК РФ изобилует использованием термина «публичность». Публичное распространение, оправдание, оскорбление, выступление, публичная демонстрация, публичные призывы и действия упоминаются в тридцати семи статьях Общей и Особенной частей отечественного уголовного закона. Однако, несмотря на столь частое упоминание, данный признак не находит легального трактования. При этом наука уголовного права не выделяет универсального подхода к толкованию признака «публичности».

Существованию данной проблемы может служить большая вариативность значения данного признака в сочетании с вышесказанными словами. Легко определить, что каждое отдельное слово в сочетании с другим может приобретать совершенно другое значение. Семантический анализ слова «публичность» сводит значение рассматриваемого понятия к

следующим основным словам: открытость, доступность, популярность. Рассмотрим подробнее каждое из них применительно к термину «публичность». Так, открытостью можно считать общедоступность, нескрываемость, исключительность. Доступность – это внятность, явность, отчетливость, популярность, простота, общепонятность. Популярность определяется как простота, доступность¹. Анализируя вышеуказанное, представляется возможным определить, что представляет собой «публичность» – это общедоступность, общепонятность, явность социально-общественных отношений.

Признак публичности в сочетании с призывами к осуществлению террористической деятельности рассматривается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

¹ Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 24.01.2025).